

Стрельченко А. И.

10/8 82

Пензенская Правда
г. Пенза

7 0 OK 1 1987

Н. БУЛАВИНЦЕВ

И ЖИТЬ БУДЕТ

Субботные встречи

Детство было горькое, послевоенное. А село — самым обычным. Вокруг него поля широкие, речка. И луга цвели красиво — война им не помеха. Это у людей остались от нее саднящие, по сей день не заживающие раны. Что ни семья — то горе горькое, боль непроходящая. Ох как ломала, крутила судьбы эта страшная война, как холодила, выстуживала души. Но песни, простые и искренние, никогда не замолкали, возвращая людям веру в жизнь, даря святую надежду на возрождение. Такие песни пела с другими сельскими вдовами ее мама.

А потом мама умерла, не выдержало сердце. И для Сашки Стрельченко наступило голодное сиротство. Потом был детский дом. И слезы таких же, как она, сирот — мальчишек и девчонок. А она пела. За-

чем? Кто же теперь ответит? Но когда особенно немоту становилось, затягивала вдруг не по-детски сильным голосом «Орленок, орленок, взлети выше солнца...» И стихало, отодвигалось горе. И Сашку просили: «Пой, пой еще. Только не умолкай!» Просили взрослые, и просили дети. Она никогда не отказывала, не боясь сорвать голос.

Хлебнула в юности всякого. Детские глазенки смотрели ей в самое сердце. Искали в нем доброты и участия. И когда настал час выбирать профессию, Александра пошла работать воспитательницей в детский сад...

Мы сидели в небольшой гримерной комнате гарнизонного Дома офицеров. Только что закончился концерт. И вот — перерыв. Неспешно текут воспоминания.

Вот в последнее время стало возникать множество всякого рода фольклорных групп и ансамблей. Само по себе дело очень хорошее, его надо поддерживать. Но больно корбит, когда некоторые исполнители сознательно подделываются под древность, старину, начинают коверкать слова, прикрываясь тем, что предки наши якобы именно так и пели. Ну, например, вместо «тебе» поют «табе». Помнится, Лидия Андреевна Русланова сильно досадовала на такую псевдонародность. Ведь истинное назначение артиста заключается не в том, чтобы так вот своеобразно «оживлять» забытые мелодии, а в том, чтоб беречь, быть внимательным к нашим корням и истокам, не давать засохнуть родникам песенных обычаев.

Есть и другая крайность. Современные ансамбли с легким сердцем берут музыку Чайковского или Бородина и начинают ее аранжировать, да так, что первоисточник разглядеть в таком вот «произведении» трудно. Я очень люблю творчество «Битлз». Считаю, что эти музыканты открыли одну из самых ярких страниц современной культуры. Но представить себе, что они пытались бы втиснуть старинные английские баллады в рамки стремительного рок-н-ролла, не могу. У нас же многие это делают запросто.

Человека, не умеющего чувствовать народную песню, считаю обворованным духовно. Многие поколения постигали через нее историю своей земли, учились уважению к прошлому. Именно в ней заложены генетический код русского народного характера. Ни один другой вид искусства не дает столь богатого представления о душе русского человека.

Сейчас народная песня как бы отошла в тень, уступив место эстраде. И перед нами стоит непростая задача — защитить ее от всяких новомодных воздействий, от примитивизма, пошлости, суесловия.

Ради этого и работаю...

— Поехала я в Ленинград, в педагогический институт. Поступила на заочное отделение. Стала ездить на сессии. Однажды вижу афишу — Воронежский академический хор. То были годы его взлета. В расцвете таланта блистала Мария Николаевна Мордасова. Да и другие солистки пели очень сильно.

Несколько ночей не спала, думала: «Идти — не идти?» Все-таки решилась. Они согласились меня послушать. Спела, стою жду. Они улыбаются, поговорили между собой, потом — мне: «Мы тебя берем, девочка. Осенью приезжай...» Институт пришлось бросить — охота, как говорится, пуще неволи. Поехала в Воронеж. Через месяц впервые вышла на сцену.

Хоровое пение — это блестящая школа становления любого музыканта, исполнителя народных песен. Именно здесь, в хоре, воспитывается любовь к песне, преданность ей, здесь учат отличать настоящее, высокое от пустякового.

Но пребывание Александры Стрельченко в прославленном хоре длилось недолго — всего лишь два года. Чрезмерное увлечение пением при отсутствии серьезной голосовой подготовки, неумение беречь себя привело к тому, что молодая исполнительница вынуждена была расстаться с хором. Впереди ее ждали новые испытания...

— Мне повезло. После трехлетнего перерыва полу-

чила приглашение работать в Липецкой филармонии. Концертов приходилось давать много, но все время шел поиск своего материала. В то время я много подражала, особенно великой Руслановой. Многим нравилось, хотя, в общем-то, это было не мое, но магия таланта Лидии Андреевны очень уж велика. А потом, в Москве, где я училась во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства, меня повели к ней на прослушивание. Естественно, чувствовала я себя очень скованно. Лидия Андреевна говорит: «Девочка ты способная, но зачем ты мне подражаешь?» Тут я совсем растерялась, хотела то как лучше, даже песни из ее репертуара выбрала. «Ну, это ничего, я ведь тоже сначала подражала, не сразу по-своему запела. И ты себя ищи. Думаю, что у тебя получатся лирические песни...» На том мы и расстались.

Потом мы с Руслановой еще раз виделись. Я уже тогда в Москонцерте работала. Как-то пригласили выступить на вечер в Центральном доме работников искусств. Лидия Андреевна уже серьезно болела. Видно было, вечер этот ей не в радость. Собралась она уезжать. Тут меня увидела, говорит: «Вот теперь останусь. Хочу посмотреть, что из тебя получится». Я стала петь, потом смотрю, а у нее на глазах слезы...

— Вот теперь ты душу русско-песни-то чувству-

ешь, — улыбнулась Лидия Андреевна. — Поешь сердцем. Теперь — хорошо...

— Объехала многие города и страны. Везде вроде успех. Да и сама чувствовала, что многие песни удаются. Зрители их очень тепло встречают. За границей хорошо понимают русские народные песни.

В чем секрет их популярности? Думаю, прежде всего в искренности. Наше национальное искусство учит гуманизму, добру. А это близко любому народу.

В моей жизни большое место занимает работа в архивах. Ищу народные песни. Особенно по душе пришли песни из репертуара Ольги Васильевны Ковалевой. Негромкие, но необыкновенно сердечные, глубокие. Я много слушала записи этих песен, размышляла над ними. Ковалева пела как бы для себя. Именно в таком исполнении и рождались истинно народные песни. Это потом они уже преодолевали расстояния, передавались из поколения в поколение.

Составила я программу из песен Ковалевой, предложила ее оркестру Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

С этого момента начинается новый этап в творчестве Александры Ильиничны Стрельченко. Песни О. В. Ковалевой открыли для нее новый мир.

— Очень горько и больно, когда русскую народную песню стараются приукра-